

НУЖЕН ЛИ МОСКВЕ ТЕАТР ЭСТРАДЫ?

“Собачий век в семь раз короче человеческого. Интересно, каков коэффициент для худруков?” — такой вопрос задал сам себе Геннадий Хазанов в день, когда исполнилось ровно два года со дня его назначения руководителем Театра эстрады.

Театральный мир уже в курсе того, что 8-9 ноября в Театре эстрады впервые шла комедия Нила Саймона “Калифорнийская сюита” с Алисой Фрейндлих, Олегом Басилашвили и Варварой Владимировой. Как сказал на специально собранной по этому случаю пресс-конференции художественный руководитель театра Геннадий Хазанов, проводится первый опыт существования спектакля сразу на двух сценических площадках — питерского БДТ имени Товстоногова и московского “Дома на набережной”, для которого присутствие на сцене ак-

тёров такого уровня — большая честь. Пьесу выбрала Алиса Фрейндлих, она же увидела своим партнёром Олега Басилашвили и убедилась вернуться на сцену свою дочь-актрису. Проект поддержал американский продюсер Натан Слезингер, благодаря ему постановка была осуществлена сначала в США, затем перебралась на сцену Санкт-Петербурга и вот теперь — в столицу, где по крайней мере до мая следующего года будет идти дважды в месяц. Билеты на ноябрьские спектакли были раскуплены буквально за несколько часов. Эта

безусловно коммерческая акция, подчеркнул Хазанов, — часть концепции по вытаскиванию театра из того чудовищного состояния, в котором он оказался.

Собственно, на этом разговор о спектакле как таковом на пресс-конференции и закончился. Всё остальное стало как бы продолжением вспыхнувшей ещё в конце прошлого года дискуссии о том, каким всё-таки быть Театру эстрады, — концертной площадкой или сценой со всеми присущими ей атрибутами. “Вечерний клуб” тоже участвовал в этой дискуссии, пре-

доставив слово как тем, кто мечтал о сохранении театра в его прежней ипостаси, так и Геннадию Хазанову в качестве худрука-реформатора (“Что случилось в Доме на набережной?”, “ВК” № 51, 26.12.98).

По существу, причиной горячего обсуждения на публике и в прессе стал конфликт между оркестром, оказавшимся в нынешних условиях абсолютно невостребованным, и художественным руководителем, считающим, что в таком случае существование этого коллектива в Театре эстрады перестало быть оправданным. В чём только весь последний год не обвиняют Хазанова — он и диктатор, и самодур, и кабинет себе отделал за счёт фонда материальной помощи, и лишил вокалистов (“будем так их называть”, помедлив, заметил обвиняемый) последней возможности выходить на большую сцену, а театр в целом — творческой атмосферы.

Между тем, в который уже раз объяснял Геннадий Викторович, бывший в своё время дотационным театром в последние, рыночные, годы практически перестал финансироваться извне. Но нельзя выжить, если не зарабатывать самим, нельзя пополнять кассу, если не смущаться присутствием в зале, имеющем 1383 места, от 13 до 60 зрителей — а на так называемых сборных концертах в середине 90-х такое, увы, было не редкостью. Устарело в театре всё, в том числе и вся техническая начинка — свет, звук. “Физическое состояние здания, — цитирую, — тупает физическому состоянию московских вокзалов”.

Вспомним. В начале 30-х это был кинотеатр, потом клуб Совмина, и лишь в начале 60-х здание отдали под Театр эстрады, совместив в этом названии взаимоклещающие понятия — театр предполагает наличие постоянной труппы, для эстрады же нужна концертная площадка. Труппы, естественно, не было. Какое-то время здесь квартировал Театр миниатюр Аркадия Райкина, именно для него был создан оркестр, чтобы не возить его на время представлений из Ленинграда. Потом великий артист со своей труппой переехал на юго-запад столицы, оркестр же застрял на старом месте и аккомпанировал вокалистам.

Ныче все мало-мальски раскрученные певцы и певицы имеют собственные музыкальные ансамбли, многие исполнители требуют бешеных гонораров, которые здесь платить не могут. (“Великие артисты, — цитирую, — гораздо более скромны. Например, гонорар актрисы мирового масштаба Инны Чуриковой за участие в спектакле в восемь раз ниже, чем требует пародист Грушевский”). К тому же появились престижные концертные залы, своим месторасположе-

нием и количеством зрительских кресел далеко переплюнувшие “Дом на Берсеневской”. Театр для большинства эстрадников, считает Хазанов, стал “провинциальной, захудалой концертной площадкой”. Жить за счёт одних только “разговорников”? Но сегодня их выступления — “диетическое блюдо по сравнению с тем, что говорится по телевидению в ежедневных передачах”. Ситуация объективно стала угрожающей, поскольку театр не может жить, если в него не ходят люди.

Что же предложил Хазанов и на чём стоит намертво?

— Только имена могут спасти театр. Мы практикуем и творческие вечера знаменитостей, и коммерческие антрепризные спектакли, всегда, подчёркиваю — всегда! — дающие полные сборы. Вот уже год мы с Басилашвили играем “Ужин с дураком”, билеты не дешёвые, и на каждом представлении — битковые аншлаги. На “Овечку” с Чуриковой валит валом. Теперь у нас Фрейндлих и Басилашвили — имена, олицетворяющие знак театрального качества. Их назовёшь — и никому ничего больше не надо объяснять. Публика идёт и на “Семейные радости” — премьеру эстрадного спектакля с Петросяном и Степаненко. Мы делаем ремонт, летом смогли поставить новый свет, сейчас с помощью московского правительства работаем над заменой звуковой аппаратуры. А какие-то разборки, какие-то фонды материальной помощи, за счёт которых я улучшаю собственные условия, — это же бред! В театре один котёл, одна касса, из которой финансируется всё — и реконструкция, и зарплата. И если людям, давно не востребованным, не стыдно её получать, — это дело их совести...

Художественный руководитель мечтает, чтобы на сцене Театра эстрады играли “Костюмеры” с Джигарханяном и Каршевым. Готовится премьера по пьесе молодого драматурга Евгения Унгарда “Птицы”, где Хазанов будет играть с актёром из Театра Станиславского и Немировича-Данченко Войнаровским. Задуман цикл спектаклей, посвящённых жизни людей, крепко связанных именно с этим театром: с Никитой Михалковым идёт работа над постановкой о Лидии Руслановой, Григорий Горин обещает пьесу об Исааке Дуневском. Есть идея оперы “Мастер и Маргарита”...

Геннадия Викторовича спросили, не мешают ли споры вокруг реформирования театра его собственной творческой работе. Да нет, ответил он, продолжаю, концертную деятельность от театра “Моно”, сидю в телесериале “Геннадий Хазанов: жил-был я”... Но глаза у него все полтора часа разговора были до ужаса грустные.

Валентина ПЯНКОВА